КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
г. Москва
20 МАЯ 1983

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ПИСЬМА

2107

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

ВСЕ, ЧТО ПЕРЕЖИЛ

Беседа с Константином Ваншенкиным

У Константина Ваншенкина есть такое стихотворение:

Не нужно, чтобы их хвалили
Деревьям, травам и кустам.
Им важно, чтоб дожди
полили
И все бы стало по местам.

Не жажду славящего крика,
И нет особенных обид.
Пусть только в чьих-то
пальцах книга,
Как деревце, прошелестит.

Читатель нужен поэту, как дождь растению. От этого сопоставления становится виден естественный и высший смысл его работы.

— Константин Яковлевич, давайте поговорим о читателях. О тех, кто нужен поэту для его роста и развития. О тех, кого вы мысленно видите или хотите видеть со своей книгой в руках.

— Это вопрос волнующий. Для каждого пишущего читатель и общение с читателем — нечто очень важное и даже таинственное. Разумеется, когда я пишу, я не вижу перед собой какого-то конкретного читателя. Пишешь о своем времени, о своем поколении, и, когда написанное тобой находит отклик у других, это всегда дорого.

Вообще же есть несколько человек, которых ты всегда предполагаешь в числе твоих читателей, с чьим мнением особенно считаешься. О них помнишь и стараешься, чтобы не было стыдно за написанное. На первых порах и потом еще многие годы таким человеком был для меня Михаил Васильевич Исаковский. Его добрые советы и душевная поддержка сыграли огромную роль в моей судьбе. Есть и сейчас люди, которых не хотелось бы разочаровывать. Это как бы поддержание своей марки, сознание своей ответственности, долга перед литературой.

В 1942 году из десятого класса я ушел в армию. Служил главным образом в воздушно-десантных войсках. Армия военной поры сформировала мое поколение. Армия — это мои университеты. Испытываю радость, когда мои стихи находят отклик у людей военного поколения. Есть и еще одна категория читателей, поддержку которых всегда ощущаю. Это десантники. Они вообще считают меня как бы своим поэтом. Понимаю, что это представление узко, и, разумеется, не хотел бы быть поэтом только для десантников, но все равно приятно... Все переплетено в стихах, особенно в лирике, — любовь, война, друзья, работа, наша жизнь... Никогда не знаешь наперед, что напишешь и напишешь ли что-нибудь. А когда напишется и к тому же находит отклик в душах других людей — это, повторяю, волнующее, таинственное чудо.

— В ваших стихах в самых разных смысловых категориях встречается образ книги. К примеру:

Домик ваш низенький
Между домами
Выглядит книжечкой
Между томами.

или многозначное:

Роман с закладкою
в самом начале...

или в обращении к потомку:

Что читаешь и любишь
кого?

Каков вы как читатель? Какое воздействие оказывают на вас книги, чтение?

— Трудно представить писателя, на которого не влияло бы то, что он читает. Чтение — один из импульсов творчества, хотя не первый и не главный. Но сбрасывать его со счетов никак нельзя. Есть книги, которые совершенно необходимо прочитать каждому. Я уже не говорю о великих поэтах, которые повлияли на все развитие поэзии глобально, — Пушкин, Некрасов, Маяковский... Вообще знание никому еще не вредило.

Разумеется, есть тут и опасность. Человек молодой, недостаточно себя нашедший, может случайно подпасть под влияние прочитанного. В поэзии попасть под интонацию — все равно как попасть под поезд. Сколько стихов в свое время было написано под «Василия Теркина». Или говорят о ком-нибудь: «он пишет под Маяковского», «он пишет под Есенина». Видите, даже определение такое есть.

Меня эта болезнь миновала. В ранней молодости я не боялся писать из-за того, что может получиться неудачно. Не было робости перед авторитетами. И как в лесу, не возникало желания спрашивать дорогу у встречных, хотелось довериться собственной интонации. Быть похожим на себя, а не на других — единственная естественная возможность художника стать и оставаться самим собой.

А вообще эти возможные издержки чтения, проявляющиеся у некоторых молодых литераторов, отнюдь не означают, что великие книги не должны покорять и поражать.

— Сейчас готовится к изданию собрание ваших сочинений. В нем лучшее из написанного за сорок лет работы в литературе — два тома стихов и том прозы. В таком издании печатаются произведения, от которых автора отделяют годы и годы. Не испытываете ли вы желания совершенствовать написанное? Каким принципом руководствовались, выстраивая свое собрание сочинений?

— Собрание сочинений. Само это наименование, на мой взгляд, предполагает характер издания. Оно отличается даже от избранного. Тут цель не столько выбрать самое лучшее, сколько показать развитие, поступательное движение. Стихи помещены в строго хронологическом порядке. Разумеется, стихи, особенно из ранних сборников, выбраны лучшие, которые показывают меня на разных этапах.

Я против того, чтобы дописывать, переделывать публиковавшиеся стихи. Есть немало поэтов, которые делают это и даже ставят под стихотворением две даты. В моей жизни было три-четыре случая, когда я вносил поправки в ранее написанное. Но это исключение.

Таким образом я собрал из моих книг два тома стихов. Первый том включает стихотворения 1945—1967 годов, второй — стихотворения 1967—1982 годов. Третий том — проза.

— Ваша проза порою кажется продолжением стихов. Может быть, вы скажете о взаимодействии стихов и прозы в вашем творчестве?

— Прозу я начал писать в пятьдесят девятом году по совету Александра Трифоновича Твардовского. Вообще могу сказать, что мне в жизни повезло. И не только потому, что выпала судьба вернуться с войны — живым, молодым и здоровым. Я близко общался с замечательными людьми. Об Исаковском я уже говорил. Необычайно много мне дал Твардовский не в смысле стиха, а в смысле отношения к жизни, к литературе, к работе. И еще один близкий мне человек, удивительной художественной проницательности, предвидения, обаяния — Марк Бернес. Это он, помимо прочего, приобщил меня к песне...

Но вернусь к вашему вопросу о прозе. Есть у меня воспоминания, есть рассказы и повести. В них все, что я сам пережил. Это все в конечном счете о моей жизни. И потому естественно ощущение, что эта проза — продолжение моих стихов.

Ведь как бывает. Стихотворение пишется или не пишется. Обратите внимание, мы не говорим «я написал стихотворение», а «написалось стихотворение». Так вот, когда стихи не пишутся, появляется потребность заполнить эти интервалы. Это одно, а второе — не все, что пережил, вмещается в рамки стихотворения, и тогда появляется рассказ, воспоминание...

У меня несколько книг прозы, тоже не все из них входит в третий том собрания сочинений. В этот том отобрана проза из шести основных книг: «Армейская юность», «Во второй половине лета», «Проза», «Как соловей лета», «Воспоминание о спорте», «Лица и голоса».

— Чем вы сейчас заняты, помимо работы над собранием сочинений?

— Только что в «Советском писателе» вышла книга моих новых стихов «Жизнь человека», так же называется и заключающая книгу поэма.

Что я делаю? Пишу, когда пишутся стихи. Когда не пишутся стихи, пишу прозу, воспоминания. Думаю работать в тех же жанрах. В последнее время стал работать для документального кино и телевидения. По моим сценариям сняты фильмы «Детство Твардовского», «Встречи с Михаилом Исаковским». Сейчас снимается фильм о Литературном институте, который в этом году справляет 50-летие. Идет работа над фильмами о Михаиле Луконине и Семене Гудзенко. Это все не случайные для меня темы, а часть моей жизни, люди, которые мне дороги.

Беседу вела
М. ИСКОЛЬДСКАЯ.